

КАРОЙ РЕДЕИ (Будапешт—Вена)

**ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ ИННОВАЦИИ
В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ
(ДОПОЛНЕНИЯ К АРЕАЛЬНЫМ СВЯЗЯМ
ЯЗЫКОВ ВОЛЖСКО-КАМСКОГО РЕГИОНА)**

Abstract. Intra- and Extra-Linguistic Innovations in Udmurt (Addenda to the Areal Relations of the Languages in the Volga-Kama Region)

Intra- and extra-linguistic innovations in Udmurt are discussed. The focus lies on the linguistic phenomena engendered by the impact of the neighbouring Turko-Tataric languages. Those phenomena include certain phonetic changes, borrowed derivational suffixes, the so-called *izafet*-constructions, agreement in attributive constructions, and composite verbs. Similar developments in the Komi, Mari and Mordvin languages are pointed out.

Keywords: Udmurt, Komi, Mari, Mordvin, contact, phonology, morphology, syntax.

Финно-угорский праязык, по-видимому, просуществовал до конца III тыс. до н. э. Тогда этот праязык разделился на две самостоятельные ветви, а именно — финно-пермскую и угорскую. Однако совместное проживание финно-пермских народов продолжалось относительно недолго: в середине II тыс. до н. э. финно-пермская группа распалась на две самостоятельные части — финно-волжан, расселившихся по обоим берегам Средней Волги, на территории между Окой на западе и Вяткой на востоке, и пермских народов, обосновавшихся гораздо восточнее Волги — в бассейне рек Вятки и Камы. В настольных книгах по финно-угроведению важные события в жизни этих этнических групп обычно излагаются на таком историческом фоне. Однако т. н. финно-волжское единство мне представляется не совсем таким, каким оно описывается в стандартных книгах по финно-угорскому языкознанию. По-моему, в финно-угорское единство входят и языки, относящиеся в широком научном смысле к т. н. финской группе — языки саамов и мордвы. По всей вероятности, марийцы не только географически, но и с точки зрения языка занимают промежуточное положение между пермскими и финно-волжскими народами.

В последнее столетие протопермского периода, т. е. в VIII—IX вв. н. э., началось движение прапермского народа из центральных райо-

нов Поволжья на периферию. Тогда же они начали контактировать с обосновавшимися на территории между Казанью и Самарой волжскими болгарами (т. е. болгаро-тюрками, жителями т. н. Магна Болгарии). Результат этих этнических контактов — 22 болгаро-тюркских заимствования в прапермском и современных пермских языках. Эти связи сопровождались передвижениями народов. В те времена предки удмуртов жили несколько западнее нынешних мест проживания, а именно, на территориях к западу и востоку от устья Вятки и далее по правому берегу Нижней Камы. В последнее столетие протопермского периода к северу от удмуртов поселились коми. Общие предки коми (зырян) и пермяков под влиянием болгаро-тюрков переселились на север — свою нынешнюю этническую территорию. После переселения коми на север, на свою новую родину, этноязычные контакты уже отдельно живших удмуртов (вотяков) с болгаро-тюрками продолжались дальше. Об этом свидетельствует относительно высокое число болгаро-тюркских (чувашских) заимствований в удмуртском языке: по мнению Ю. Вихмана, высказанному в 1903 году, таких слов насчитывается 150, а по И. Тараканову, около 190! Итак, удмурты до 1236 года жили в древнеболгарском каганате. В 1236 году татаро-монголы, пришедшие в Европу с востока, покорили Магна Болгарию. Как известно, господство татар-тюрков продолжалось вплоть до 1552 года. Удмурто-татарские языковые связи обогатили язык удмуртов 1389 заимствованиями. В 1552 году царь Иван IV разбил татар, благодаря этой победе Казанское татарское ханство и территория, на которой проживали удмурты, окончательно отошли к Российской империи. В этой работе нет возможности подробнее остановиться на том влиянии, которое оказал русский язык на удмуртский в последние четыре столетия.

Анализ различных пластов заимствований в удмуртском языке не является целью настоящей статьи. Автор лишь попытался указать на некоторые изменения в словарном запасе удмуртов. Здесь будут рассмотрены некоторые инновации, происшедшие в системе удмуртского языка с конца протопермского периода. Их можно разделить на две группы: (а) внутренние инновации, т. е. изменения, которые произошли в ходе перестройки структуры языковой системы или какой-то ее части, (б) внешние инновации, изменения под влиянием чужого, но контактирующего с удмуртским языка. Во всех случаях инновации распространяются не только на фонетику, но и на морфологию, а также на синтаксис. Грамматическую систему прапермского языка мы знаем относительно хорошо. Таким образом, исходя из всего сказанного, мы можем более или менее хорошо показать внутренние и внешние инновации в грамматике удмуртского языка.

1. Фонетика

Ударение в финно-угорском праязыке, как известно, падало на первый слог. В древнепермском языке господствовало т. н. свободное ударение, т. е. ударным мог быть любой слог без того, чтобы менялся смысл. Такое ударение существует и сегодня в северном диалекте ко-

ми языка: *tu-nɛnɨ* ~ *tunɛ-nɨ* ~ *tunɛnɨ*: 'идут'. Вообще-то наблюдается тенденция ставить ударение на первом слоге.

Можно с уверенностью утверждать, что до древнеболгарского влияния в удмуртском языке, а также в прапермских диалектах, из которых он развился, ударение падало на первый слог. В настоящее время главное ударение под влиянием татарского языка падает на последний слог, например *ad'amj*: 'человек', *ludj-n* 'на поле'. То же наблюдается и у старых русских заимствований: *mašina*: 'машина', *šapka*: 'шапка'. Новейшие русские заимствования сохраняют ударение передающего языка: *tra-ktor* 'трактор', *ko-smos* 'космос'.

1.1. Консонантизм

1. Под русским влиянием возникли новые фонемы: *f*, *χ*, *c*, *ʀ*. Лишь в русских заимствованиях фонемы *p*, *b*, *m* присутствуют и в смягченной форме: *p̣*, *ḅ*, *ṃ*. В некоторых диалектах можно наблюдать и аллофонию палатовелярных смычных: *ḳ*, *g̣*: *keć* 'рука', *gid* 'конюшня'.

2. В некоторых диалектах из аффрикат *č* и *ǰ* развились *t'* и *d'*: *čas* > *t'as* 'час', *žuč*, *žuč* > *d'uć* 'русский'. Это звукоизменение возникло под влиянием татарского языка.

3. Татарским же влиянием объясняется переход *j* > *d'*: на месте первоначального *j* в южных диалектах появляется *d'*, например, *jil* ~ Уф *d'il*, МУ *d'ju*, К *d'əl* 'пик', *je* ~ Уф *d'e*, К *d'u* 'лед', *jir* ~ Уф *d'ir*, МУ *d'ir*, К *d'ər* 'голова'.

Замена согласного *j* на *d'* в марийском языке произошла тоже благодаря татарскому влиянию, ср. мар. V *jodam*, Ю К *jadam* ~ Р В Јр М МК С Ё *d'odam* 'просить, спрашивать'.

4. В начале слова в древнеудмуртском языке *r перешел в *ž*, а перед палатализованными согласными — в *ǰ*. Исчезновение согласного *r* в начале слова тоже объясняется татарским влиянием.

5. Под влиянием татарского языка в некоторых удмуртских диалектах (бессермянский, кукморский) на месте согласных *g*, *k*, *t*, *d*, *m*, *n*, *j* появился гортанный смычный, который обозначается знаком *ʔ*, например, *todmaškijnj* > *toʔmaškijnj* 'познакомиться', *ug mjn* > *uʔ mjn* 'не иду', *ljka-ka!* > *ljʔka!* 'иди сюда!', *en bgrdj!* > *eʔ bgrdj!* 'не плачь!', *vaj-ka!* > *vaʔka!* 'принеси, дай мне!', *vetle* > *veʔle* 'ходит', *žgk vjljn* > *žgʔvjljn* 'на столе'. Это явление, называемое в лингвистической литературе «гамзой», характерно для юго-западных диалектов удмуртского языка. Кроме того, оно широко распространено на большой территории между Волгой и Камой (у марийцев, мордвы). В этих языках мы встречаемся с татарским влиянием. Гамза (Porre: *hamzah*), или гортанный смычный, в татарском языке был усвоен через арабские заимствования.

6. Некоторые сочетания согласных в начале слова были усвоены через посредство русских заимствований, ср. *traktor* 'трактор', *krovat* 'кровать'. Изредка, но такое явление встречается и в других словах, например *slal* < *sylal* 'соль', *skäv* < *iskal* 'корова', *krež* < *kirež* 'гусли', *tros* < *tjros* 'много'.

1.2. Вокализм

1.2.1. Первый слог

В некоторых диалектах (напр. в шошминском) гласные *i/j*, *u/ü* в первом безударном слоге редуцируются, например, *kítjn* > *kĭtjn* 'где', *śures* > *śĭres* > 'дорога'. Можно с уверенностью утверждать, что редуцированию предшествовало выпадение гласных *j* (> *ĭ*, *ĕ*) в первом слоге: *śĭlal* > *śĭlal* > *slal* 'соль', *durińci* > *dĭrińci* > *drińci* 'оса, шмель'. Редукция гласных звуков определенно произошла под влиянием татарского языка.

К Волжско-Камской этнокультурной территории относятся четыре финно-угорских (мордовский, марийский, удмуртский, коми) и три тюркских (болгаро-тюркский, т. е. чувашский, а также татарский и башкирский) языка. Между языками этого региона прослеживаются сложные взаимовлияния, которые на различных языковых пластах приводят к многочисленным общим результатам, сходным языковым явлениям. Начиная с I тыс. до н. э. древние пермяне оказывали влияние на марийцев в течение десяти веков. Марийцы, спасавшиеся от татаро-монголов, обосновались по соседству с юго-западным крылом удмуртов. Взаимное этнокультурное влияние друг на друга марийцев и удмуртов в бассейне реки Вятки продолжается по сей день.

Для всех языков этой территории характерно то, что первоначальные верхние гласные стали редуцированными. Традиционное название термина «редуцированный» справедливо лишь в случае гласных звуков *ĭ*, *ĕ*. Звуки *ĭ*, *ĕ* правильнее называть сверхкраткими. Следуя традиции, мы можем указать на редуцированные гласные в марийском: *ĭ*, *ĕ*, *ĕ*, *ĕ*. В удмуртском языке редуцированные гласные (*ĭ*, *ĕ*) встречаются исключительно благодаря сильному татарскому влиянию на северо-западе Башкирии в районе Татышлы. В коми языке только комиП *ə* (Λ) является редуцированным, происшедшим из древнеперм. *i (*j). Ср. еще чув. *ĭ*, *ĕ*, *ĕ*, *ĕ*, тат. *ĭ*, *ĕ*, *ĕ*, *ĕ*.

1.2.2. Непервый слог

Изменения гласных в непервых слогах относятся к самостоятельному развитию удмуртского языка, т. е. к внутренним инновациям, происшедшим без чужого влияния.

2. Морфология

2.1. Словообразовательные суффиксы

Через татарские заимствования удмуртским языком были усвоены отдельные татарские морфемы. Все они являются суффиксами существительных. Рассмотрим их:

-*ĭci*, -*ĕci* (большой частью это существительные, обозначающие профессии): *kebitĭci* 'кузнец' (ср. *kebit* 'кузница'), *vuzĭci* 'купец' (ср. *vuz* 'торговля; товар'), *ařalĭci* 'зубровник', *vukoĭci* 'мельник' (ср. *vu-ko* 'мель-

ница'); ср. тат. *шимерче* 'кузнец' (ср. *шимер* 'железо'), *язучы* 'пишущий; писатель' (ср. *язу* 'писать');

-*lijk* (служит для образования отвлеченных существительных): *luonlijk* 'возможность', *todonlijk* 'значение'; ср. тат. -*лык*, -*лек*: *утыльник* 'дровняк', *берлек* 'единство';

-*nerge* (используется для образования существительных с пренебрежительным оттенком значения): *val-nerge* 'лошаденка', *korka-nerge* 'избенка', *pal'to-nerge* 'пальтишко'; ср. *nerge* 'ряд, порядок' (< тат. *нерге* 'обычай, обряд, подобие').

2.2. Некоторые вопросы морфосинтаксиса

Морфологические и синтаксические отношения тесно переплетаются друг с другом, оба аспекта трудно да и нецелесообразно отделять друг от друга, поэтому я буду рассматривать их вместе.

2.2.1. Имена

Принадлежность обладаемого владельцу в удмуртском языке часто обозначается как с помощью родительного падежа, так и с помощью притяжательного суффикса, например, *gurtlen vožes* 'луг деревни', ср. коми *saldatjaslęn jurjasjs* 'командиры солдат'. То же наблюдается в марийском, мордовском и татарском языках. Эта т. н. конструкция изафет, которая широко распространена в разных языках Волжско-Камского бассейна.

Принадлежность обладаемого с притяжательным суффиксом 3-го лица владельцу в родительном падеже выражает то же отношение, что и конструкция, состоящая из обладаемого без притяжательного суффикса 3-го лица и владельца в родительном падеже, например, удм. *gurtlen vožes tj durjn* 'луг деревни находится на берегу озера' ~ *gurtlenez tj durjn* 'то (т. е. луг) деревни находится на берегу озера'. Вторая конструкция является внутренней инновацией в удмуртском языке, которой в коми языке нет соответствия (но ср. венг. *a falu rétje* 'луг деревни' ~ *a falué* 'то (т. е. луг) деревни').

2.2.1.1. Степени сравнения

Высшая степень как в удмуртском, так и в других языках этой группы выражается (а) редупликацией, тем самым здесь налицо взаимное влияние, например, удм. *jug-jug tęd'j ljmj* 'самый белый снег', *čuz-čuz saškaos* 'самые желтые цветы', *ljz-ljz zarež* 'самое голубое озеро', (б) синтаксической конструкцией, например, удм. *vanmizleš vj* 'самый новый', *tęd'ileš tęd'i kjšet* 'самый белый платок', ср. тат. *ıñınnan ıñın* 'самый длинный' (так же в марийском и мордовском языках).

2.2.1.2. Согласование

В абсолютном падежном склонении определение не согласуется с определяемым словом ни в падеже, ни в числе, например, удм. *bažjm korka* 'большой дом', *bažjm korkajn* 'в большом доме', *bažjm korkaos*

'большие дома'. Иногда согласование наблюдается, если определяемое слово стоит во множественном числе. Это явление — внутренняя инновация в удмуртском языке, она особенно характерна в тех случаях, когда определение ударное, например, *bažymes' korkaos* 'большие дома', *šekytes' korjos* 'тяжелые бревна'.

Если ударное определение выделяется, имя прилагательное единственного числа употребляется с притяжательным суффиксом 3-го лица (-*ez*), а после суффикса множественного числа -*os*, -*jos* стоит алломорф -*iz*, т. е. детерминированное определение согласуется с определяемым словом, например, *vjl'ez kniga* 'новая книга', *vjl'ze knigaez* 'новую книгу', *vjl'ezli knigali* 'новой книге', *vjl'ez knigajn* 'в новой книге', *vjl'eniz knigaen* 'с новой книгой'. Это несомненно внутренняя инновация в удмуртском языке.

Если притяжательное местоимение выступает детерминирующим притяжательным определением, оно приобретает элемент детерминации -*ez* (во множественном числе -*iz*). В этом случае притяжательное местоимение согласуется с определяемым словом, например, *mjnamez karandaše* 'именно мой карандаш', -*ez*, -*iz* употребляется как усилительный элемент с указательными местоимениями или прилагательными. Его приблизительное значение: 'как раз', например, *taiz* 'как раз это', *soiz* 'как раз то', *taiz kniga* 'как раз эта книга', *taiztek knigatek* 'как раз без этой книги', *taosiz knigaos* 'как раз эти книги', *tainiz ad'amien* 'как раз с этим человеком', *lapegjosizlj pisouoslj* 'как раз низким деревьям'.

2.2.2. Сложные глаголы

В удмуртском языке существуют следующие типы сложных глаголов:

- 1) наречие или имя существительное + спрягаемый глагол: *tau karinj* 'поблагодарить', *soglaš luinj* 'согласиться';
- 2) в случае заимствованных глаголов из русского языка: инфинитив + *karinj* 'делать' (в роли вспомогательного глагола), *zakazat' karinj* 'заказать', *otvečat' karinj* 'отвечать';
- 3) в финно-угорских языках спаренные глаголы существуют в марийском и удмуртском языках; их конструкция в удмуртском: деепричастие, образованное с помощью суффикса -*sa* + глагол нейтрального значения в спрягаемой форме: *lobžisa karinj* 'улететь', *potsa karinj* 'выйти', *lobžisa liktijnj* 'прилететь', *kjrzasa lezijnj* 'спеть (распевая пустить)', ср. мар. *čonešten kajaš* 'улететь (летя уйти)', удм. *učki-sa uliz* 'он смотрел' < тат. *karap tordj* 'он смотрел'.

Все эти конструкции в удмуртском языке возникли под влиянием татарского.

3. В своем докладе я рассмотрел инновации в удмуртском языке, происшедшие по внутренним причинам и под внешним влиянием. Внутренние инновации по понятным причинам носят ингерентный характер. Внешние инновации произошли под болгаро-тюркским и/или татарским влиянием. Это тюркские языки оказали влияние на многие финно-угорские языки Волжско-Камского региона (марийский, мордовский, удмуртский, в меньшей степени коми).

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- А л а т ы р е в В. И. 1959, Вопросы удмуртского языкознания I, Ижевск.
- Б е р е ц к и Г. 2005, Взаимосвязи языков Волго-Камского ареала. Доклад на X Международном конгрессе финно-угроведов в Йошкар-Ола. Рукопись.
- Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология, Ижевск 1970.
- Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис простого предложения, Ижевск 1970.
- К е л ь м а к о в В. К. 1975, Спаренные глаголы в удмуртском языке (на материале кукморского диалекта). — Вопросы удмуртского языкознания. Вып. 3, Ижевск, 226—233.
- 1998, Краткий курс удмуртской диалектологии, Ижевск.
- 2002, К истории удмуртского и пермского языкознания, Ижевск.
- К у р б а т о в а Х. Р. 1969, Современный татарский литературный язык, Москва.
- Т а р а к а н о в И. В. 1981, Иноязычная лексика в удмуртском языке, Ижевск.
- 1982, Заимствованная лексика в удмуртском языке, Ижевск.
- 1998, Исследования и размышления об удмуртском языке, Ижевск.
- Ч х а и д з е М. П. 1960, Спаренные глаголы в марийском языке, Йошкар-Ола.
- 1967, О происхождении и функциях марийских и удмуртских спаренных глаголов. — Вопросы финно-угроведения. Вып. 4, Ижевск, 247—259.
- Б е р е с z k i, G. 1983, A Volga-Káma-vidék nyelveinek areális kapcsolatai. — Areális nyelvészeti tanulmányok, Budapest, 207—236.
- 1990, Chrestomathia Ceremissica, Budapest.
- 2002, A cseremisz nyelv történeti alakzata, Debrecen.
- C s ú c s, S. 1990, Chrestomathia Votiatica, Budapest.
- F o k o s, D. 1956, A névragozás történetéből. — NyK 58, 59—95.
- Н а j d ú, P. 1962, Finnugor népek és nyelvek, Budapest.
- I t k o n e n, E. 1954, Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Tschermissschen und in den permischen Sprachen. — FUF 31, 149—345.
- K r u e g e r, J. R. 1961, Chuvash Manual, Bloomington (UAS 7).
- L a k ó, Gy. 1934, A permi nyelvek szóvegi magánhangzói, Budapest (Finn-ugor Értekezések 2).
- M o l n á r, F. 1974, On the History of Word-Final Vowels in the Permian Languages, Szeged (Studia Uralo-Altaica 5).
- P o p p e, N. 1963, Tatar Manual, Bloomington (UAS 25).
- R a d a n o v i c s, K. 1956, Русско-удмуртский словарь с приложением краткого очерка грамматики удмуртского языка. — NyK 59, 233—236.
- R é d e i, K. 1968, Nord-ostjakische Texte (Kazym-Dialekt), mit Skizze der Grammatik, Göttingen (Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Philosophisch-Historische Klasse. Dritte Folge. Nr. 71).
- 1978a, Chrestomathia Syrjaenica, Budapest.
- 1978b, Syrjänische Chrestomathie, Wien.
- 1978c, Zyrian Folklore Texts, Budapest.
- 1986, Beiträge zur historischen Formenlehre der wotjakischen Sprache. — Finnisch-ugrische Mitteilungen 10, 339—342.
- Geschichte der permischen Sprachen. — The Uralic Languages. Description, History and Foreign Influences. Handbuch der Orientalistik, Leiden—New York—København—Köln, 351—394.
- R é d e i, K., R ó n a - T a s, A. 1972, A permi nyelvek óspermi bolgár-török jövevényszavai. — NyK 74, 281—298.
- 1975, A bolgár-török-permi érintkezések néhány kérdése. — NyK 77, 31—44.
- S t e i n i t z, W. 1950, Ostjakische Grammatik und Chrestomathie mit Wörterverzeichnis, Leipzig.
- W i c h m a n n, Y. 1903, Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen, Helsingfors (MSFOu XXI).

KÁROLY RÉDEI (Budapest—Wien)

**INNERE UND ÄUßERE INNOVATIONEN IM UDMURTISCHEN
(ERGÄNZUNGEN ZU DEN AREALEN KONTAKTEN
ZWISCHEN DEN SPRACHEN IM WOLGA-KAMA-GEBIET)**

In dem Aufsatz werden die inneren und die äußeren Innovationen der udmurtischen Sprache unter die Lupe genommen. In erster Linie werden die Erscheinungen untersucht, die unter dem Einfluss der benachbarten Turksprachen entstanden sind. Solche sind gewisse phonetische Wandlungen, entlehnte Wortbildungssuffixe, die sog. Izafet-Konstruktion, die Kongruenz in der attributiven Konstruktion, die zusammengesetzten (paarige) Verben. Dabei wird auch auf ähnliche Entwicklungen im Syrjänischen, Tscheremissischen und Mordwinischen eingegangen.